

Воронин Владимир Сергеевич

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ: УРАВНЕНИЯ
ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ В ЭТИКЕ, РЕЛИГИИ И ЛИТЕРАТУРЕ**

В статье исследуются вопросы, касающиеся некоторых аспектов нравственности и религии в их взаимосвязи с многозначными логическими системами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/1/12.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (7). С. 57-64. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

15. **Философия:** учебник / А. И. Алешин, О. А. Воронина, К. С. Гаджиев / отв. ред. В. Д. Губин, Т. Ю. Сидорина, В. П. Филатов. М.: ТОН–Остожье, 2001. 704 с.
16. **Франк Л. С.** Непостижимое: онтологическое введение в философию религии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vchi.net/frank/nepost/index.html> (дата обращения: 01 сентября 2007).
17. **Шестов Л.** Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2004. 221 с.

ABOUT GENERAL SCIENTIFIC PREMISES OF THE FORMATION OF LEGAL CATEGORY “ENTREPRENEURIAL RISK”

Anna Sergeevna Vlasova, Ph. D. in Law
Department of Civil Law and Process
State University – Higher School of Economics (Branch) in Nizhniy Novgorod
annavlasovann@mail.ru

In the article the problem of the reasonability of the normative fixation of the category “entrepreneurial risk” is solved on the basis of general scientific approach. The definition of the essential features of risk as a philosophical category allows the author finding out its influence on the regulation of public relationships connected with entrepreneurial activity. The author concludes that normative fixation of entrepreneurial risk is the necessary means of the regulation of entrepreneurial relationships.

Key words and phrases: risk; entrepreneurial risk; entrepreneurial activity; freedom of entrepreneurship.

УДК 83.3(4 Рус)4

В статье исследуются вопросы, касающиеся некоторых аспектов нравственности и религии в их взаимосвязи с многозначными логическими системами.

Ключевые слова и фразы: уравнение противоположностей; неопределённость; истинность цикла взаимопереходов противоположностей; моральный статус человека; уравнение человека Лефевра-Шрейдера и его троичная интерпретация.

Владимир Сергеевич Воронин, д. филол. н., доцент
Кафедра филологии
Волжский гуманитарный институт, филиал Волгоградского государственного университета
voroninvs@rambler.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ: УРАВНЕНИЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ В ЭТИКЕ, РЕЛИГИИ И ЛИТЕРАТУРЕ[©]

И рельсы для нас сходятся всегда,
Различие стирает расстояние,
И, видимо, сходимость «нет» и «да»
Зависит лишь от нашего желанья.
B. B.

Взаимодействие и взаимосвязь форм общественного сознания (а таковыми являются и нравственность, и религия), равно как и их относительная самостоятельность не подлежит никакому сомнению. Поэтому говорить о независимости нравственности от религии не приходится, но следует подчеркнуть и другую сторону: зависимость самой религии от политического, правового и нравственного состояния общества. Религии, не замечаящие духовного кризиса общества, неминуемо порождают свои ответвления, более или менее жизнеспособные, стимулируют уход своих приверженцев в различные секты, и главное: их служители разоблачают себя как выразители интересов управляющего меньшинства. Как писал А. Радищев: «...В царя зря образ божества. / Власть царска веру сохраняет, / Власть царску вера утверждает; / Союзно общество гнетут» [12, с. 182]. Добавим, не только гнетут, но и держат. А когда перестают держать, а только гнетут, они лоскуты гибели. Коммунизм тоже был верой в счастливое завтра, и миллионы людей видели в его вождах земных богов. Комментируя сакраментальный вопрос Сталина, заданный католику Грузинской Православной церкви: “И кого же Вы больше боитесь - меня или Бога?”, Д. Ранкур-Лаферриер замечает, что «в этом контексте отождествление Сталиным себя с Господом Богом полностью подтвердилось. Католикос действительно боялся Сталина больше, чем Бога» [11, с. 40].

Определения нравственности можно подразделить на две группы. Первая из них видит определяющим моментом целое: «форму общественного сознания, общественный институт, выполняющий функцию регулирования поведения человека» [14, с. 182]. Во второй группе определений первоэлементом становится частное поведение людей: «добровольное самостоятельное согласие чувств, стремлений и действий членов общества с чувствами, стремлениями и действиями сограждан, их интересом и достоинством, с интересом и достоинством всего общества в целом» [9, с. 309]. Первая группа определений в основном свойственна советскому периоду истории российского общества, вторая – постсоветскому. Понятно, что определения первой группы создают возможность положительного ответа на интересующий нас вопрос. Властный институт, регулирующий поведение человека, может привлечь на свою сторону религию, а может обойтись без неё. Понятно, что это не гарантия того, что в обществе воцарится высокая нравственность. Напротив, в таком случае усиливается негативный момент, Господствующее настроение и мироощущение в обществе – функция исторической ситуации. Это отнюдь не миропонимание, а умение ощущать ветер истории («держи нос по ветру» – советует поговорка). Замечательно точно его зафиксировал И. А. Бунин в своих «Окаянных днях» в записи от 6 февраля 1918 года. Забавно сталкиваются вера и примитивный атеизм. Вот наглая «баба со вздернутым носом» описывает изготовление Господа: «Взял маляр доску, намазал на ней, вот тебе и Бог. Ну, и молись ему сама» [3, с. 306]. Веры как ни бывало! Не прошло и четырёх месяцев со дня захвата власти атеистами, а ветерок истории уже ощутим. И это с точностью до смены знаков опять напоминает 90-е годы, когда многие правоярные атеисты торопились уверовать в Бога между тем как вал преступности и обесценивания человеческой жизни накрывал всё общество сверху донизу. Итак, в одном случае государство с помощью регулирующих институтов отделило или отдалило религию от нравственности, а в другом случае присоединило или приблизило нравственность к религии. Но и отдаление, и приближение обернулось похожими результатами для нравственности в переходные моменты нашей истории. Её катастрофическим упадком. Группа вторых определений неизбежно ставит вопрос, а кто в состоянии поддерживать добровольное согласие индивидов в хаосе своих эгоистических стремлений, дел, чувств и поступков по отношению к другим гражданам и обществу в целом? Поэтому необходимо признать наличие высшей надличной силы, всемогущего Бога, обуздывающего эгоизм отдельных индивидов во имя блага общества в целом, могущего наградить за правильное поведение и наказать за грехи. Божий суд неотвратим, всеведущ и вседесущ.

Но тем самым у атеистов открывается возможность поставить вопрос верующим: «Так вы ведёте себя хорошо не сами по себе, а рассчитываете на воздаяние на земле или в загробном мире?». Атеистам не на кого переложить огромную ответственность за несовершенство мира, кроме как на самих себя. И Бог, и дьявол для них – одинаково пустые категории. Именно сейчас, когда в России атеизм не в чести и не у власти, у него открывается возможность стать действительно научным и высоконравственным учением. С ним, возможно, произойдёт то же, что произошло с религией в советское время, её действительные адепты, освобождённые от власти и богатства, накопили истинные духовные ценности.

И негативный атеизм, и религиозный фанатизм одинаково опасны и способны направить активность индивида не только на подрыв храмов, но и на опустошение человеческих душ, к всевластию утилитаризма, к забвению справедливости, чести и совести. Это прекрасно понимал ещё Вольтер. Библия изобилует примерами аморального и жестокого поведения, преподносимых как норма и образец для подражания. Так, Вольтер, ядовито критиковавший Священное Писание, заметил по поводу «Второзакония»: «Прочитав такие ужасные строки, можно ли придерживаться подобной религии? И если бы существовал дьявол, мог ли он выразиться с большим безумием и яростью?» [4, с. 237]. Отметим это уравнение противоположностей (божественное=дьявольское), высказанное деятелем Просвещения по поводу текста, где рекомендуется убивать всех людей, зовущих поклониться чужим богам, не считаясь со степенью родства. Понятно, что во все времена такая религия является превосходной проповедью гражданской войны и безнравственна по самой сути своей. Воздав все сёстрам по серьгам, французский мыслитель замечает: «Если у христианства отвратительные принципы, то у атеистов таковые вообще отсутствуют. Атеисты могут совершить преступление без закона, как христиане и магометане совершали их по закону» [Там же, с. 238]. Как известно, истину философ увидел у деистов, оставляющих на долю Бога лишь роль первого толчка и первопричины мира, оставляющего его далее развиваться по естественным законам. Далее мы, привлекая аппарат двузначной логики и трехзначной логической системы Лукасевича, покажем, что эта средняя позиция и является наиболее удобной и практически полезной и в России.

Опыт исторического развития России за последнюю сотню лет как раз и показал, что переход от теизма в идеологии к атеизму (в начале столетия) и обратный переход (в конце века) сопровождались полным забвением элементарных норм нравственности, обесцениванием человеческой жизни. Резкий взаимопереход противоположностей друг в друга можно отметить и в политической, и в экономической истории России XX века. Только после 1917 года самый беглый перечень: военный коммунизм, НЭП, коллективизация и репрессии, Великая Отечественная война, реальный социализм, перестройка, дикий капитализм с распадом всего и вся – позволяет заключить, что Россия находится в непрерывно длящемся переходном периоде, причём каждая из выделенных нами стадий достаточно резко отличается от последующей. Ряд мыслителей начала XX века указывают на то, что этот процесс взрывных взаимопереходов носит общий характер. Так в работе «Идея катастрофического прогресса» Владимир Эрн писал: «Для христиан будущее – не мирный культурный процесс постепенного созидания всяких ценностей, а катастрофическая картина взрывов, наконец, последний взрыв, последнее напряжение, и тогда – конец этому миру, начало Нового, Вечного,

Абсолютного Царствия Божия» [19, с. 247]. Нарисованная здесь картина – чередование уничтожений и возникновений типологически близка «Интернационалу» Э. Потье («Кто был ничем, тот станет всем»), лозунгу примитивных революционеров из «Двенадцати» А. Блока: «Мы на горе всем буржуям / Мировой пожар раздуем, / Мировой пожар в крови – / Господи, благослови!» [1, с. 237]. Мы видим здесь тоже уравнивание божественного и дьявольского, которое так изумляло Вольтера во «Второзаконии». При всём различии формул преобразования мира выясняется их типологическое сходство: старый мир обращается в ничто, и из этого ничто возникает новый мир, благословлённый Богом. Но у индивида при всех этих взаимопереходах и взрывах остаётся желание уцелеть, сохранить себя и близких, не потеряв при этом элементарную порядочность, и вот здесь, в зависимости от индивида, всё равно, что ему помогает Нагорная проповедь или моральный кодекс строителя коммунизма.

У крайних атеистов и фанатиков веры есть одна уязвимая черта – максимализм в своих финалистских построениях и признание Абсолюта как конечного пункта, не подлежащего дальше изменению («Наш паровоз вперёд лети / В Коммуне остановка» пели комсомольцы киевских железнодорожных мастерских в 1918 году, ссылаясь на свой особый «винтовочный путь»). И всё-таки, почему у тех и у других не дальнейшее развитие, а абсолютный финальный пункт? А потому что истинные фанатики видят препятствия во внешнем мире, в других ещё не просветлённых людях, но никак не в себе самих любимых. Серия взрывов устраняет лишних людей, и бороться уже не с кем. И вот здесь оказывается, что процесс борьбы видоизменил «ангелов» в бесов. И оборотной стороной достигнутого рая становится ад. В полном соответствии с поговоркой: «Благими намерениями вымощена дорога в ад». Вековая народная мудрость предостерегает нас от увлечения крайностями, ибо может быть перейдена точка возврата в прежнее состояние: «Заставь дурака Богу молиться, он лоб себе пробьёт».

Возвращение к самому себе, а для общества в приемлемый пункт согласия оказывается тем более проблематичным, чем эффективней были предыдущие взрывы, чем серьёзней проводились в жизнь принципы двузначной логики.

Дело в том, что в рамках двузначной логики, где истине приписано значение единицы, а лжи – нуля, цикл взаимопереходов веры и безверия может быть записан формулой $(X \rightarrow \text{не-}X) \wedge (\text{не-}X \rightarrow X)$. Ее ложность можно показать, пользуясь известными правилами логического отрицания, следования (импликации $\rightarrow$) и логического умножения (конъюнкции $\wedge$).

Таблица 1

X	не-X	$X \rightarrow \text{не-X}$	$X \rightarrow X$	$(X \rightarrow \text{не-X}) \wedge (\text{не-X} \rightarrow X)$
0	1	1	0	0
1	0	0	1	0

Указанный цикл относится и к астрономической пульсирующей вселенной, и к христианской модели мира, его можно считать и иллюстрацией пословицы «нет худа без добра, а добра – без худа». В рамках традиционной религиозной морали рассуждение этого же логического типа может иметь вид: «Господь ни спослал за наши грехи бедствия, но мы покаяться, и вот теперь Благо необходимо воспоследует». Нулевой результат логической формулы показывает, что в двузначной логике у нас нет оснований считать указанный цикл истинным.

Однако человек устроен так, что мыслит он в основном категориями двузначной логики (в рамках предыдущего рассуждения «кто не кается – тот плохой и сторонник бедствий»). Таблица 1 показывает, что в рамках той же двоичной логики цикла упадка и возрождения нет и не может быть. И чем полнее мы проведём её принципы в жизнь, тем более полные нули получим. Дурак разобьёт голову навсегда, а общество попадёт в своего рода ад, который, быть может, придворные льстецы окрестят раем. Творцы рыночной экономики в России были движимы благородными целями, но сделали это с такой поспешностью, с такой халтурностью, что отбросили её экономику в начале 90-х годов к натуральному обмену. Развязанная вакханалия преступности, продажность всего и вся, при декларативном возврате к правам человека и религиозным ценностям, позволяет сказать, что ущерб, нанесённый нравственности общества, не поддаётся никакому учёту. Пожалуй, будет достаточно одного факта, что 24 августа 2004 года сотрудник авиакомпании «Сибирь» Николай Коренков за одну тысячу рублей (какой крайне показательный пример рыночной нравственности!) провёл террористок в самолёты Ту-134 и Ту-154 в результате чего 90 человек погибли. Получил он за это полтора года лишения свободы. И, конечно же, в таких условиях, когда общество не в силах ни оградить себя от продажности, ни даже примерно наказать пойманных грешников родственникам жертв обращаться к обычаю кровной мести или остаётся уповать на суд Божий.

Будем надеяться, что точка возврата ещё не пройдена. В «Духовных беседах» Макария Египетского, подвижника IV века подчёркнута трёхсторонность возвращения грешника к нормальному состоянию; «Даже падший человек в силах бороться и противиться греху, хотя и не может обойтись без помощи Божией» [16, с. 247]. Здесь есть истина, принадлежащая Богу, и ложь, соответствующая греху, и неопределённость, в которой пребывает грешный человек, который может справиться со своими слабостями, а может и погибнуть духовно или физически. В жизни цикл упадка и возрождения, отчаяния и надежды оказывается иногда

истинным для индивида и общества. Однако исправление системы никак не должно совершаться по правилам двузначной логики («Кто не с нами, тот против нас»). Тогда интересно посмотреть, что происходит в других логических системах, имеющих большее количество значений истинности.

В трехзначной логике Лукасевича к истине и лжи добавляется еще и неопределенность, обозначаемая как $1/2$. Здесь следование или импликация определяется матрицей:

Таблица 2

$X \backslash Y$	1	$1/2$	0
1	1	$1/2$	0
$1/2$	1	1	$1/2$
0	1	1	1

Или следующим правилом: $(X \rightarrow Y) = \min(1, 1 - X + Y)$. Конъюнкция же определяется как минимум значений аргументов $X \wedge Y = \min(X, Y)$, дизъюнкция как их максимум $X \vee Y = \max(X, Y)$. Здесь формула вышеупомянутой пословицы уже не будет тождественно ложной. Пользуясь указанными правилами, получим:

Таблица 3

X	не-X	$X \rightarrow \text{не-X}$	$\text{не-X} \rightarrow X$	$(X \rightarrow \text{не-X}) \wedge (\text{не-X} \rightarrow X)$
1	0	0	1	0
$1/2$	$1/2$	1	1	1
0	1	1	0	0

Как видим, система Лукасевича допускает истинность цикла взаимопереходов противоположностей. Более того, допустимо бесконечное повторение таких циклов. Мир не окончателен, поскольку обладает неопределенностью, отрицание которой есть тоже неопределенность (золотая середина нашей таблицы). Можно также увидеть, что эта система в случае неопределенности не делает абсолютно ложным противоречие, в одном из трех случаев противоречие снова остается неопределенностью. Легко убедиться, что двойное отрицание в логике Лукасевича дает утверждение.

Существует множество многозначных логических систем, но мы остановимся на логике Лукасевича, подчёркивающей огромную роль неопределённости. В самом деле, человек в самом массовом обычном виде всегда посередине, всегда далёк от крайних граней. Он отнюдь не злодей, но и не святой, не ходячий порок, но и не воплощённая добродетель, не альтруист, но и не полный эгоист, не Творец, но и не лишённое творческого начала существо. Более того, в нравственности абсолютная положительная грань представляется недостижимой даже для праведника: «Парадокс состоит в том, что моральное совершенствование не обеспечивает, а затрудняет положительную самооценку, ибо чем выше моральное развитие, тем строже требования к себе» [18, с. 12]. И, как полагает С. Н. Булгаков, это срединное положение, возможность сочетания крайностей – определяющий момент мировой истории. «В судьбах мира существенную роль играет это соединение божественного всемогущества с тварной свободой, допущение участия твари в создании мира» [2, с. 351–352]. Можно говорить о промежуточности человека по всем своим параметрам: нечто среднее между бесом и ангелом, дьяволом и Богом, атеистом и верующим, бесконечностью и конечностью, можно сказать, что в душе человека кипит вечная битва между грешником и святым. Как заметил С. Есенин, «если черти в душе гнездились, значит, ангелы жили в ней» [7, с. 190]. Соединяя крайности в этом стихотворении, поэт близок В. С. Соловьёву, считавшему основой альтруизма чувство жалости, которая универсальна и беспристрастна, и в ней человек доходит до «уподобления Богу», потому что обнимает одинаковым участием всех без различия: и добрых, и «врагов истины», и людей, и демонов, и даже «естество пресмыкающихся» [13, с. 117].

При взаимопереходах от веры к безверию и обратно всегда желательно сохранять момент неопределённости, момент инерции, обеспечивающий постепенное вхождение в другую систему. При этом долг мыслящего человека оставаться скептиком по отношению к общепринятой моде. Прекрасно это выразил Сергей Есенин в стихотворении 1923 года: «Ах! какая смешная потеря! / Много в жизни смешных потерь. / Стыдно мне, что я в бога верил, / Горько мне, что не верю теперь» [7, с. 190]. Выступая против властного ветра, поэт всегда подчёркивает неопределённость в победе общей моды и настаивает на возможности и спасительности цикла греха и покаяния, тьмы и света: «И похабничал я, и скандалил / Для того, чтобы ярче гореть» [Там же].

Нравственность всегда предполагает выполнение определённой системы запретов: «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй». Религии всех стран и народов чутко реагируют на нарушение данных заповедей, в видя в их нарушениях не только порчу индивида, но и порчу общества, его движение в никуда. Однако, как говорит Дж. Уитроу, «Вообще нет мыслимой совокупности наблюдений, которые могут снабдить нас достаточной информацией о прошлом системы, для того, чтобы мы получили полную информацию о её будущем. Будущее является математической конструкцией, которая может быть изменена наблюдением» [15, с. 377].

Вспомним библейскую историю изгнания первой четы Адама и Евы из рая. «Мыслимая совокупность наблюдений» и предсказаний здесь отнесена к всемогущему Господу. Казалось бы, ничто не мешает первой человеческой паре быть высоконравственной и не нарушать запрет Бога. Само существование Адама после вкушения запретного плода должно было прекратиться по обещанию Бога. Казалось бы, что в этом идеальном случае от веры зависит и жизнь, и нравственность этой пары. Но мудрая история говорит нам ещё и о том, что нравственность этой пары зависит от них самих и силы искушения. Тем не менее, и жизнь прародителей не прекратилась по обещанию Господа. Желание видеть безошибочного Творца вызвало к жизни версию, что один день для него – тысяча лет и, стало быть, не дожив 70 лет до тысячи, Адам продемонстрировал справедливость божественного утверждения. Если же не удлинять божественные дни, настаивая на верности предсказанного, то придётся ввести третье состояние ни жизни, ни смерти, в котором оказались первые люди, нарушившие запрет. Некоторая неопределённость. Среднее промежуточное состояние между жизнью и смертью, и вообще противостояние того и другого не бинарная оппозиция, а триплатия человеческого бытия. Возможно, библейская история с нарушением запрета показывает, что логика Творца не является ни однозначной, ни двучленной и не влечёт однозначного исчезновения нарушителя предустановленной гармонии. Может быть, само это нарушение входит в Божественный замысел, в человеческих интерпретациях которого мы встречаемся и с таким циклом: «Не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасёшься». То есть условием спасения, является совершение греха. Подразумеваемая положительная теорема, опять-таки является противоположной данной: «Согрешишь – покаешься, покаешься – спасёшься». Получается, что Бог нуждается в грешном, но кающемся человеке. В какой-то степени цикл чередования противоположностей обеспечен их равенством (А равно не-А).

Как пишет В. С. Соловьёв: «Признавая другого равным себе, страдающий сравнивает его состояние с такими же своими и из их одинаковости выводит нравственную обязанность участия и помощи» [13, с. 115].

Райское положение вещей отвечало формуле: заветы соблюдены (А), следовательно ($\rightarrow$), люди вознаграждены (В). Но формула воздаяния за грехи имеет характер противоположной теоремы: заветы не соблюдены (не-А) следовательно ($\rightarrow$), люди наказаны (не-В). Соотношение прямой и противоположной теоремы мыслимо лишь в пределах однозначной логической системы, где отсутствует выбор и где отступление от завета влечёт немедленную гибель индивида. Но это знаменует и примитивную нравственность, не умеющую противостоять внешним обстоятельствам и всегда следующей ветру обстоятельств и личной выгоды.

Но уже в двучленной логике из того, что $A \rightarrow B$ (А влечёт В), не вытекает, что не-А $\rightarrow$ не-В. Поясним это, используя таблицы истинности, где 1 обозначает истину, а 0 – ложь.

Таблица 4

А	В	$A \rightarrow B$	не-А	не-В	не-А $\rightarrow$ не-В
0	0	1	1	1	1
0	1	1	1	0	0
1	0	0	0	1	1
1	1	1	0	0	1

Сравнивая третью и шестую колонку, мы видим, что с вероятностью $\frac{1}{2}$ значения истинности не совпадают. Это означает, что нарушение условия не всегда является губительным для человека. В половине случаев соотносительность прямой и противоположной теоремы окажется нарушенной.

Как раз напротив, желание переписать историю, изменить прошлое охватывает придворных историков при всяком глубоком социальном перевороте. Вы говорили, говорят они предыдущим исполнителям социального заказа, что было А (Великая Октябрьская социалистическая революция), а было не-А (заговор кучки лиц с целью захвата власти и личного обогащения), поэтому и последовало не В (построение мощного государства и справедливого общества) а не-В (новый заговор и распад страны со всеми, вытекающими отсюда обстоятельствами). Это переписывание отнюдь не имеет обязательно положительного характера, а логически ещё и неверно даже в рамках двучленной логики, которой обычно пользуется человек. Даже в «Книге Еноха» слабость обязательной импликации безусловно чувствуется. Мифический Енох говорит: «А вы не претерпели до конца и не выполнили закона Господня; но преступили его и надменными хульными словами поносили Его величие из своих нечистых уст, – вы, жестокосердые, не обретёте мира!». Как видим, наказание следует за нетерпеливость, невыполнение закона, поношение Творца, да ещё за жестокое сердце! В самом деле, в те религиозные времена за это можно было и без небесного участия отправиться в мир иной. Но очень характерно, что опять-таки наказание и здесь осознаётся и как бы насылается на себя самими грешниками. Неполная истина, часть истины принадлежит и им. Енох продолжает: «И посему вы проклянёте ваши дни, и годы вашей жизни прекратятся; велико будет вечное осуждение, и вы не обретёте милости [8, с. 16].

В двучленной логике совпадение истинностей прямого и противоположного суждений достигается тогда, когда компоненты имеют совпадающую истинность: или оба ложны, или оба истинны (первая и последняя строчка Табл. 4). На первый взгляд, это соблюдено. Событие случилось, и, следовательно, люди освобождены от греха: истина влечёт истину. Однако Событие христианской религии – появление Христа как Богочеловека, совместившего в себе далеко разошедшиеся грани божественного и человеческого. Поэтому вполне естественным выглядит переход к троичной логике. Что происходит в этой более сложной системе?

Повышается ли обязательность наказания за нарушение правил?

Рассматривая соотносительность прямого и противоположного утверждения в логической системе Лукасевича (сравнивая третью и шестую колонку таблицы), мы находим только три совпадения из девяти (крайние и средняя строки Табл. 5). Это совпадает с вероятностью возможности цикла чередования противоположностей и логически иллюстрирует мысль С. Д. Хайтуна, что «установка на незыблемость нравственно-этических норм (неизменность правил поведения индивида в социуме), которой пропитаны универсальные религии мира, вступает в противоречие с реально происходящей ускоренной социальной эволюцией» [17, с. 287]. Однако согласиться с этим можно с некоторыми оговорками. Дело в том, что в кризисных точках эволюции человеческое поведение способно деградировать настолько, что незыблемые общечеловеческие нормы остаются путеводной звездой, выполняют свою стабилизирующую функцию.

Таблица 5

A	B	$A \rightarrow B$	не-A	не-B	не-A $\rightarrow$ не-B
0	0	1	1	1	1
0	1/2	1	1	1/2	1/2
0	1	1	1	0	0
1/2	0	1/2	1/2	1	1
1/2	1/2	1	1/2	1/2	1
1/2	1	1	1/2	0	1/2
1	0	0	0	1	1
1	1/2	1/2	0	1/2	1
1	1	1	0	0	1

Итак, соотносительность «пряника и кнута» в трёхзначной логической системе падает. Можно показать, что в более многозначных системах с большим количеством ступенек между истиной и ложью, (и более соответствующих жизни) вероятность совпадения падает. Всё более усложняющиеся системы сами спасают себя наличием большего числа элементов и их взаимодействий.

В романе Л. Леонова «Пирамида» устами одного из его героев хорошо подчеркнута возможность удивительного цикла чередования противоположностей: «изгнание *Бога из мира*, проще сказать, может обернуться для нас тою положительной стороной, что лишь по разбегу из глубины падения и сможет человечество вымахнуть на вершину спасительного покаянья» [10, II, с. 35]. Здесь уравнивается изгнание Бога из мира и его спасительный приход в мир. Уравнение противоположностей допустимо в логических системах, отличных от двузначной. В частности в логической системе Лукасевича. Вместе с тем оставление Богом мира задаёт своеобразную продлённую деистическую ситуацию, когда вся трудность исправления вывихнутого общества ложится на человека. Вообще же говоря, деизм отвечает трёхзначным логическим системам: нельзя сказать, что Бог есть, нельзя сказать, что его нет, он как бы есть в качестве первотолчка, Божьей искры в человеческом сознании.

Рассмотрим, как введение трёхзначных логических систем преобразует моральный статус человека. Формализация этики была предложена В. А. Лефевром и развита Ю. А. Шрейдером. Здесь зло обозначается как 0, добро 1, а промежуточные между ними значения «выражают то, что мы имеем дело с чем-то промежуточным между добром и злом» [18, с. 86]. Если решение субъекта считаться с голосом совести имеет вероятность x оказаться добром, тогда вероятность противоположного события – оказаться злом $1 - x$. Моральный статус человека определяется, исходя из трёх вероятностей: X_1 – вероятность того, что мир исключает зло и не провоцирует человека на дурные поступки; X_2 – вероятность того, что мир оценивается как хороший, т.е. совесть не замечает дурных сторон мира; $1 - X_2$ – вероятность того, что совесть заметит опасности мира. X_3 – вероятность того, что субъект последует указаниям совести. Используя формулу полной вероятности, можно вычислить оценку морального статуса человека.

$$X = X_1 \cdot 1 + (1 - X_1) (1 - X_2) X_3 \text{ [Там же, с. 88].}$$

Ю. А. Шрейдер рассматривает предельные случаи плохого мира. Если $X_1 = 0$, а совесть, тем не менее, оценивает мир как хороший, то есть $X_2 = 1$, мы получаем, что моральный статус человека равен 0. Если же при плохом мире, совесть правильно оценивает его, то $X_2 = 0$ и $X = X_3$, т.е. моральный статус зависит только от того, последует или нет человек голосу своей совести. Подстановка $X_2 = 1$, т.е. оценка мира совестью как только хорошего, приводит к тому, что моральный статус человека зависит от того, насколько плох или хорош окружающий его мир.

Однако модель Лефевра-Шрейдера при всех её достоинствах не учитывает реальной сложности мира. Так, постулат незлонамеренности в художественной литературе подвергнут сомнению во «Сне смешного человека» Ф. М. Достоевского, где герой в сонных своих грёзах попадает на прекрасную планету, где «вся земля <...> была повсюду одним и тем же раем» [6, с. 513] и развращает всех превосходных людей. У этого мира лишь один изначальный недостаток. Будучи наилучшим, он не способен изменяться. И сами жители «не желали ничего и были спокойны» [Там же]. Но по логике вещей, достигнув наилучшего положения, измениться можно лишь к худшему. И вот герой, попавший в прекрасный мир, как раз и оказывается той ложкой дёгтя, которая портит бочку мёда: «Как скверная трихина, как атом чумы, заражающий целые государства, так и я заразил всю эту счастливую, безгрешную до меня землю» [Там же, с. 517].

Простейшая троичная система оценки качества мира приводит к несколько иным результатам. Пусть теперь $X_1 = 1/2$, то есть мир не плохой и не хороший, примелькавшийся обычный мир, содержащий в себе и положительное, и отрицательное. Пусть совесть оценивает мир как хороший, $X_2 = 1$, тогда моральный статус человека делается равным $1/2$. Если при том же неопределённом мире совесть оценивает его как плохой, нуждающийся в улучшении, то $X_2 = 0$, то статус человека повышается и становится равным $1/2 + 1/2 X_3$. Отметим, что человек, всегда следующий голосу совести, и в этом мире достигает максимально высокого морального статуса, равного единице. Именно таков виновник грехопадения жителей прекрасной планеты. Осознав, что принёс в мир зло, он всеми силами старается вернуть обезумевший мир к прежнему состоянию. Но это не удаётся именно из-за возникновения неопределённости, равенства противоположностей: «Когда они стали злы, то начали говорить о братстве и гуманности и поняли эти идеи» [Там же].

Поскольку X_3 – вероятность, то она меньше единицы, то моральный статус обычного человека всё равно не достигает единицы, он как бы обречён на моральное несовершенство в неопределённом мире, однако в его власти приближение к наивысшей оценке. Пусть теперь и голос совести говорит о том, что этот мир погружён в неопределённость ($X_2 = 1/2$), т.е. человек сомневается в том, что добро обязательно влечёт добро, а зло обязательно приводит к худшему положению вещей. Ведь в этом сложном мире «не было бы счастья, да несчастье помогло». Даже и по библейской истории это так, ибо в её толковании человечество пошло от грехопадения Адама и Евы. Подстановка двух первых неопределённостей приводит к тому, что моральный статус человека уменьшается:

$$X = 1/2 + 1/4 X_3$$

Мы подошли к кардинальному факту: для достижения высшего морального статуса, человеку нужно считать окружающий мир далёким от совершенства, заслуживающим немедленного преобразования. Это и есть религиозная оценка земного мира, пребывающего во зле, ждущего исправления. Мы видим, что система с тремя оценками мира, совести и способности поступать по совести отвечает нашим интуитивным представлениям о благодати голоса совести и выстраивания морального статуса человека в зависимости от него и воли следовать ему.

Таким образом, нравственность человека, равно как и его безнравственность, могут быть связаны и с религией, и с атеизмом. Безнравственность в том и в другом случае нарастает, когда господствующая элита только одну из сторон объявляет истиной, и, двигаясь в рамках двузначной логики, пытается обеспечить её полную и окончательную победу. Победы она, быть может, и достигает, но это пиррова победа. Усложнение социальных систем диктует путь равновесия противоположных начал, веротерпимости и равноправия. Человечество движется на ощупь, путём проб и ошибок, впадая в заблуждения, далёкие от истины. Однако для возможности исправления допущенных ошибок, преодоления грехов необходимо двигаться не в рамках двузначных логик, а всегда планировать и развивать неопределённость, способную послужить циклу упадка и возрождения, заблуждения и истины.

Взаимодействие противоположностей срабатывает так, что и в формальном этическом уравнении Лефевра-Шрейдера статус человека близок неопределённости и для его спасения, очевидно, необходим цикл, который осуществляется, например, в логической системе Лукасевича при равновесии противоположных начал. В современных условиях спасение осуществляется на грани гибели, в неопределённости, где каждое усилие индивида способно подтолкнуть мир к полной катастрофе или удержать его на самом краю пропасти. Безусловно, в этих условиях необходимо использовать весь огромный нравственный потенциал, накопленный человечеством, как в религиозных системах, так и в позитивном атеизме, в котором ответственность за сотворённый мир полностью ложится на человека. В самом общем виде космос и хаос, мысль и бытие, добро и зло, атеизм и теология, короче говоря, все противоположности только в точке взаимопересечения, в самом человеке обнаруживают истинное положение вещей. Спрашивает вор Васыка Пепел из мудрой горьковской пьесы «На дне» старца Луку, есть ли бог, и тот отвечает в духе трёхзначной логики: «Коли веришь, – есть; не веришь, – нет... Во что веришь, то и есть» [5, с. 140]. Ныне человек должен верить не только в Бога, но и в лучшую проекцию самого себя.

И до сих пор я убеждён, что внутри человека самовнушение может если не всё, то почти подходящее к этому пределу. Если бы нам удалось создать общество, открытое суггестии элементарных норм нравственности, это был бы самый большой скачок в эволюции человечества. Мир верен только с позиции изменения его и человека в лучшую сторону, так это в разумной религии, так это по Марксу, нравственность же без вмешательства в окружающий мир превращается в безнравственность.

Список литературы

1. Блок А. А. Двенадцать // Собр. соч.: в 6 т. М.: Правда, 1971. Т. 3. С. 233–243.
2. Булгаков С. Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
3. Бунин И. А. Окаянные дни // Собрание сочинений: в 6 т. М.: Сантакс, 1994. Т. 6. С. 326–413.
4. Вольтер Ф. История установления христианства // Ф. Вольтер. Собр. соч.: в 3 т. / пер. с фр. М.: Литература; РИК Руфанова; «Сигма пресс», 1998. Т. 3. Статьи, памфлеты. Избранные письма. С. 164–238.
5. Горький М. На дне // Полн. собр. соч.: в 25 т. М.: Наука, 1970. Т. 7. С. 107–182.
6. Достоевский Ф. М. Сон смешного человека // Собрание соч.: в 12 т. М.: Правда, 1982. Т. 12. С. 502–521.
7. Есенин С. А. Собр. соч.: в 3 т. М.: Правда, 1977. Т. 1. 448 с.
8. Книга Еноха: апокрифы. СПб.: Азбука, 2003. 336 с.
9. Краткая философская энциклопедия. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. 576 с.

10. Леонов Л. М. Пирамида: роман-наваждение в трёх частях. М.: Голос, 1994. Т. I–II.
11. Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина: психоаналитическое исследование. М.: Весь мир; Прогресс – Академия, 1996. 240 с.
12. Русская поэзия XVIII века. М.: Худож. лит., 1972. 736 с.
13. Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. М., 1981. 430 с.
14. Соловьёв В. С. Оправдание добра: нравственная философия. М.: Республика, 1996. 479 с.
15. Уитроу Дж. Естественная философия времени / пер с англ.; общ. ред. М. Э. Омеляновского. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. 400 с.
16. Флоровский Г. В. Восточные отцы V–VIII веков. 2-е изд. М.: МП «Паломник», 1992. 260 с.
17. Хайтун С. Д. Феномен человека на фоне универсальной эволюции. М.: КомКнига, 2005. 536 с.
18. Шрейдер Ю. А. Лекции по этике. М.: Мирос, 1994. 136 с.
19. Эрн В. Борьба за логос. Г. Сковорода. Жизнь и учение. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. 592 с.

PHILOLOGICAL AND LOGICAL REFLECTIONS ABOUT THE EQUATIONS OF OPPOSITES IN ETHICS, RELIGION AND LITERATURE

Vladimir Sergeevich Voronin, Doctor in Linguistics, Associate Professor
Department of Linguistics
Volkzhsk Institute of Humanities (Branch) of Volgograd State University
voroninvs@rambler.ru

In the article the questions concerning some aspects of morality and religion and their correlation with polysemantic logical systems are studied.

Key words and phrases: equation of opposites; uncertainty; verity of cycle of mutual transitions of opposites; man's moral status; Lefebvre-Schreider's man equation and its ternary interpretation.

УДК 882

В статье рассматривается концепция проблемы жизни и смерти Л. Н. Толстого – оппонента христианского догмата о Воскресении как небесной награде человека. Он считает, что человек в пограничной ситуации, тяжелой болезни в сознании разумно оправдать свою жизнь с позиции оппозиции «животное в человеке» – человеческое. На примере художественного изображения ухода из жизни заурядного судебного чиновника Ивана Ильича Л. Н. Толстой утверждает неистребимость жизни, показывая, что человек может преодолеть панику смерти и приобрести Дух.

Ключевые слова и фразы: концепт «жизнь-смерть»; смысл жизни; внутренний человек; внешний человек; философская вера; хронотоп; дух.

Людмила Николаевна Голубева, д. филос. н., профессор
Кафедра гуманитарных дисциплин
Елецкий филиал РОСНОУ
Karly1@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЗАВЕЩАНИЕ Л. Н. ТОЛСТОГО – КОНЦЕПЦИЯ НЕИСТРЕБИМОСТИ ЖИЗНИ (ПО ПОВЕСТИ «СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА»)©

Доминантным центром художественного мирозерцания Л. Н. Толстого в период его творчества 1880–1890 гг. является концепт Жизнь/Смерть, ибо, по замечанию А. А. Гусейнова, духовный мятёж 50-летнего писателя привел его к «необходимости разумно обосновать смерть», которая и есть «проверка» прожитой человеком жизни [4, с. 203].

Л. Н. Толстой чувствовал, что неуатентичность (неподлинность) бытия человека в социуме, переходящая в анонимность и к потере «лица», не может отвлечь человека от загадки жизни, необходимости ее постижения, когда постепенно тают идеологемы экрана сознания, к примеру, по замечанию Л. Н. Толстого, верование, принятое по доверию и поддерживаемое внешним давлением под влиянием знаний и опытов жизни... и человек останавливается посреди жизни и требует объяснения... и в душе у него возникает вопрос: «Что такое вообще жизнь?» [13, с. 13].

Представляется, что концепт Жизнь/Смерть точнее отражает смысловую направленность толстовских произведений периода 1880–1890 гг., чем предложенное Е. В. Николаевой объяснение сюжетной однотипности как доминирование темы обретения героем пути жизни в ходе становления «внутреннего человека» (понятие, введенное в христианскую антропологию Августином Блаженным, как и дихотомии: внешний